

4. Запись на отдельном листочке

20/11 1943 г.

Завтра исполнится месяц с того памятного дня, когда я, впервые, после пяти с лишком лет заключения, вышел за "зону", за колючее проволочное ограждение лагеря, без конвоя, с трепетным чувством несколько притупленной болезнью (пеллагрозное истощение) радости, с предвкушением разговления великим изобилием ощущений и впечатлений, которые должны были наброситься на меня вместе с волей, вместе с подлинной, а не суррогатной, принудительной "пайкодоточной" жизнью. И вот уже забываются дрессированные собаки и прожектора, разводы и поверки лагерного режима, мучительный террор "урок", безобразный лексикон лагерной речи... Но того вулканического, землетрясающего переворота в жизнеощущении, который мечтался годами, зашифрованный фантазийным образом "хутухты", вторично рожденного для полноты плеромы", для просперити материального бытия, его-то еще нет, а, возможно, увы, и не будет. Вместо ослепительного, захватывающего дыхание прыжка, - мелкая рысца (иноходь) от смерти подобной абсолютной скудости тюремного "инобытия" к постепенному возврату в мир, оживлению годами отмиравших органов, импульсов, чувств. Наряду с героикой тыловой работы, в быту, в области культурного производства чувствуется мощное снижение уровня, возвращение к примитиву, к давно было забытым стадиям развития, приглушенность, некий анабиоз.

Это было там, на краю ночи... Там, где властвовал античный Борей, где начинался Стикс. Откуда входят в Аид, из которого нет выхода. В то короткое, до боли короткое, время, когда древний ужас холода отступает в сторонку, подстерегая память неумолимостью возврата. Тщетно звать к всемогуществу мысли, воли. Солнце, свершая годовой ход, не остановится. И скоро оно, тяжелое, неповоротливое, нелепо плоское холодное и багряное, будет только царапать горизонт в течение нескольких часов зимнего, субполярного дня. А пока, Белая смерть захоронилась, ушла в землю, на два-три вершка вглубь, в вечную мерзлоту почвы. И реки, великие сибирские реки, рвут русла своим многоводьем в героической, вздыбленной сопками, первозданной тверди пород. И тайга исконную графику черного и белого сменила на обманный хроматический наряд.